

УДК 82.092

К ВОПРОСУ ОБ ИЗДАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БОРИСА САДОВСКОГО

© 2017 г.

Ю.А. Изумрудов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

izumrud.nnov@mail.ru

Поступила в редакцию 04.07.2017

Рассматриваются вопросы подготовки отвечающего современным требованиям собрания сочинений Б.А. Садовского. Подчеркивается актуальность данного издательского проекта, обозначаются его принципы. Обосновывается важность включения в собрание сочинений Садовского произведений, в должной мере отражающих основные направления творческих исканий художника, с соответствующим обстоятельным справочным аппаратом. Отмечается, что в числе первоочередных задач – издание литературно-критической прозы, предполагающее как систематизацию уже известных текстов, так и изыскание новых и вовлечение их в читательский и научный оборот. С подробными примечаниями приводится первая публикация архивной статьи Садовского «Два канцлера» (об А.М. Горчакове и О. Бисмарке), показывается ее метатекстовая значимость. В статье используются биографический и культурно-исторический методы.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, собрание сочинений, Наполеон, «Два канцлера», А.М. Горчаков, О. Бисмарк, А.С. Пушкин, П.Е. Щеголев, Берлинский конгресс.

На современном этапе в число перспективных филологических исследований выдвинулось изучение регионального аспекта литературного процесса. И особенно интересно это в отношении эпохи Серебряного века. Одной из ключевых для нижегородцев в этом отношении является фигура Б.А. Садовского. В предреволюционные и первые послереволюционные годы это неформальный лидер в литературном Нижнем (на этот счет оставили свидетельства современники, в частности о руководстве Садовским творческой студией, ставшей своего рода неофициальным литературным центром города). Назрела необходимость выпустить научно подготовленное собрание сочинений Б.А. Садовского. Пусть и неполное (для этого еще нет соответствующих условий), но в должной мере отражающее основные направления творческих исканий художника. И примечательно, что это будет исполнением воли самого автора. Ведь еще в первые годы после революции его нижегородские поклонники давали на сей счет публичную информацию (в частности, и в общероссийском журнале), причем как о могущем свершиться событии масштабном, по значимости выходящем и за региональные рамки: «Борис Садовской готовит к печати собрание своих сочинений в шести томах: т. I – Стихи, т. II – Рассказы, т. III – Повести, т. IV – Пьесы, т. V – Статьи, т. VI – Воспоминания» [1]; «В Нижнем живет поэт и критик Борис Садовской, который в настоящее время занят обработкой незаконченных вещей и писанием «Воспоминаний»,

имеющих появиться в VI т. его “Полного собрания сочинений”» [2, с. 14]. В планируемое нами собрание сочинений Садовского должны войти произведения самых разных жанров – художественные, литературно-критические, мемуарные («Записки», «Заметки», «Дневник»), эпистолярные (избранные письма коллегам по писательскому цеху, редакторам, издателям, а также родственникам, друзьям); отдельный раздел составят «Мистификации». И, конечно же, необходим соответствующий справочный аппарат (обстоятельные примечания, комментарии, которые в целостном виде могут вылиться в своеобразную персональную энциклопедию, посвященную нашему автору и столь необходимую для расширения знаний о литературном процессе на Нижегородчине). В целях повышения авторитета данного издания к подготовке его желательно привлечь интеллектуальные силы как Нижнего Новгорода, так и обеих столиц (архивистов, музейщиков, библиотекарей, специалистов-филологов, краеведов).

Интерес к личности Б.А. Садовского увеличивается, но обращение к его текстам сопряжено порой с немалыми трудностями. Да, на рубеже XX–XXI вв. вышли книги поэзии и художественной прозы Садовского, целый ряд его произведений опубликован в периодике, альманахах. Но многое еще так и остается на страницах дореволюционных изданий. А что-то из написанного не издано, в рукописях, хранится в архивах, к которым, в общем-то, ведёт нелегкий путь. Все требует систематизации, обобщения,

кропотливой работы специалиста. И особенно проблематичным это представляется в отношении литературно-критической прозы Садовского. На сегодня это наименее изданная часть его наследия и соответственно наименее известная не только широкому кругу читателей, но и профессиональным филологам-исследователям. Так, в сборнике «Лебединые клики» (1990) [3] опубликованы лишь четыре из восьми очерков книги «Русская Камена» (1910) и небольшая часть статей и заметок «Ледохода» (1916). Особенно огорчительно, что из последнего так и остаются непечатаемыми интересные работы о Фете (за исключением второй части этюда «Легенда» и «Ива», помещенной нами в «Болдинских чтениях» в 2016 году). Даже в самой малой степени не републикована очень важная в плане творческого самоопределения Садовского книга «Озимь», ставшая своеобразным эстетическим и мировоззренческим манифестом автора. Никогда не переиздавались многие материалы Садовского (а это десятки статей!) из «Весов», «Золотого руна», «Лукоморья», «Голоса земли», других изданий... И все предстоит систематизировать, собрать воедино. Составится полно-весный том (а то и два) с авторитетным справочным аппаратом. Во всех отношениях познавательное чтение! И символичным будет, если как раз с корпуса критической прозы и начнется вся работа по подготовке собрания сочинений. Ведь именно с этим литературным жанром некогда связалась сама репутация Садовского как писателя. Характерно, что Г.В. Иванов в знаменитых эмигрантских «Петербургских зимах», рисуя портрет Садовского, с категорической непреклонностью выскажется, что критика – «его прямое дело», замечательно обнаруживающее «острый ум и понимание стихов насквозь и до конца»; особо выделит уже упомянутые нами «Озимь» и «Ледоход» (что, «право, стоят многих “почтенных” критических трудов») и, в частности, конкретную статью из второй книги – «удивительную статью о Лермонтове, может быть, лучшую в нашей литературе» [4, с. 81]. Стоит отдать должное замечательной прозорливости знаменитого В.Я. Брюсова, пригласившего в 1904-м в «Весы» в качестве постоянного сотрудника-рецензента еще только-только начинавшего литератора, мало кому известного тогда Садовского, который внесет весомый вклад в общий успех журнала и у которого он, Брюсов, метр, маг, и сам порой не прочь будет чему-то важному поучиться. Спустя годы и годы другой «весовец» А. Белый в мемуарах «Начало века» даст такую характеристику нашему герою: «Борис Садовской, мальчик с нравом, с талантами, с толком, “спец” в технике ранних поэтов и бо-

готворитель поэзии Фета». И шаржированно (таков вообще будет стиль «Начала века») акцентирует в портрете следующую характерную деталь: «Сведены сжатые губы с готовностью больно куснуть те две книги, которые он получил для рецензий» [5, с. 421]. О «кусачих» рецензиях Садовского, что «ловко сшибали с претенциозных позиций не одну “почтенную книгу”» [6, с. 8], вспоминали многие современники, деятельные участники литературного движения Серебряного века. И в дополнение спектра откликов на критику Садовского приведем суждение самого знаменитого из поэтов эпохи – Александра Блока (единственного, кто тогда, по твердому убеждению нашего героя, заслуживал «титула *моцартнейшего*» [7, с. 17]) – об уже названной нами «Русской Камене», книге историко-литературных очерков о лириках Золотого века (в письме к автору): «...эта книга настраивает душу лучше многих прекрасных стихов тем именно, что возвращает чистейшие юношеские переживания любящим поэзию, в частности – русскую. Вы как бы нашли фарватер среди мелей истории литературы и литературной истории. Для этого мало любви к истории только или любви к архивам и библиографии, но необходима живая любовь. Потому я думаю, что Ваша книга, при всей своей целомудренной сдержанности (или, скорее, именно потому, что она этим целомудрием исполнена), – входит прямо в жизнь; оценки Ваши, в большинстве случаев, должны стать “классическими”. Меня эта книга и научила, и вдохновила, и многое мне напомнила. Ее свойство – напоминать не страшные песни “про древний хаос, про родимый”, но шевелить те струны, которые поют: “О, нет, нам должно жить! <...>”; за это последнее хочу поблагодарить Вас специально. Очень запоминаются отдельные афоризмы и замечания (аналитически-острые), например: о творцах эпохи, эпиграфом жизни которых служит: “береги честь смолоду”; о добродушии второстепенных талантов...» [8, с. 322].

Согласитесь: впечатляюще эти блоковские слова. И в наших обоснованиях значимости литературно-критической деятельности Садовского это конечно же важнейший аргумент.

Наряду с републикацией произведений Садовского стоит также проводить работу по выявлению и вовлечению в научный оборот неизвестных текстов его – как статей, так и эпистолярных материалов, иллюстрирующих критические взгляды нашего автора. И определенный курс в этом направлении нами взят. Опубликована с рукописного автографа из фондов РГАЛИ большая статья «Наполеон в русской поэзии» [9], о которой до этого литературоведы не име-

ли представления. И в обширной летописи отражений образа великого французского императора в произведениях русских лириков появится пусть и скромная, но новая страничка – страничка Садовского. В данной статье Садовской прослеживается эволюцию наполеоновской темы в отечественной поэзии на протяжении XIX в., от эпохи к эпохе – от дискредитации к утверждению и исчезновению наполеоновского культа. Акцентируется пушкинский аспект темы. Первому поэту России, как дает понять Садовской, принадлежит в её раскрытии определяющая и связующая роль. Своим гением Пушкин знаменовал переход к эпохе, когда «создалось все наиболее выдающееся из того, что было сказано о Наполеоне в русской поэзии, наша, так сказать, “Наполеониада”» [9, с. 266]. Статья «Наполеон в русской поэзии» интересна, помимо прочего, метатекстовым прочтением, позволяющим конкретизировать некоторые важные аспекты творческого самоопределения автора. В частности, именно *такое* прочтение позволяет понять мотивацию Садовского, включившего в рассматриваемый в статье круг поэтов Фета, в собраниях сочинений которого, в канонических текстах, решительно ничего нет, связанного с образом французского императора. Все дело в общей склонности Садовского к Фету, исключительной значимости для его эстетики личности и творений знаменитого русского лирика (о Фете Борис Александрович писал много, лелеял планы выпустить специальную книгу о нем) – почему и стало возможным цитирование в рассматриваемой статье раннего и незрелого стихотворения Фета «Ивы и березы», с совершенно неорганичной для него, чужеродной наполеоновской темой (французский император, по сути, лишь бегло упомянут в последней строчке последней строфы), которое в итоге было переработано автором – и так, что тема эта напрочь ушла. Конкретизацию и развитие фетовского тезиса рассматриваемой статьи мы можем видеть во второй части критического этюда Б. Садовского «”Легенда” и “Ива” (История двух стихотворений Фета. Из материалов к его биографии)», опубликованного в газете «Речь» 22 ноября 1910 года и включенного затем автором в «Ледоход». И потому вполне обоснованным стало наше решение републиковать указанный материал как приложение к статье «Наполеон в русской поэзии».

Метатекстово данная статья связана и с концептуально значимой для Садовского проблемой интерпретации наполеоновской темы в собственном художественном творчестве. В разнообразных по жанру прозаических произведениях его (среди них есть и роман, и по-

ведь, и рассказ, и даже сказка) тема эта дана в ракурсе разоблачения *наполеонизма* как движущего начала действий русской либеральной интеллигенции, повинной в разрушении революцией вековых устоев Русской державы. В подробностях об этом сказано в наших работах: «Блоковская» мистификация Бориса Садовского «Солдатская сказка» [10]; «Борис Садовской и его статья «Наполеон в русской поэзии» [11].

А теперь на страницах «Вестника ННГУ им. Н.И. Лобачевского» впервые публикуется, и также с рукописного автографа из собрания РГАЛИ, статья Садовского «Два канцлера», содержащая сопоставительную характеристику личностных и дипломатических качеств Александра Михайловича Горчакова и Отто Бисмарка. Сразу оговоримся, что статья не относится к числу лучших у Садовского, однако ее необходимо учесть и отметить среди всего им написанного: она дает представление об особенностях мировоззрения автора, о некоторых важных его темах, об ассоциативном подтексте в связанных с ними произведениях. В статье затрагивается сугубо историческая проблематика, и при всем том весьма значим в ней фактор собственно литературный, эстетический (и едва ли не преобладает он в плане содержательно-смысловом). В статье о двух канцлерах проявился излюбленный прием Садовского в подходе к первоочередной для него теме, связанной с историей России, судьбами государства Российского, судьбами его граждан, – эстетизация исторического мышления. Внимательное прочтение наследия Садовского убеждает нас: всегда, когда писатель судил об истории, России, жизни, на первом плане у него была литература, и касалось это самых разных жанров как художественных, так и публицистики, литературной критики...

В публикуемой статье принципиально выделен пушкинский аспект. Для Садовского великий русский поэт – эстетический эталон (здесь следует сделать важную оговорку: характерно такое только для дореволюционного времени – а именно тогда и написана данная статья, – во времена же другие отношение нашего автора к Пушкину кардинально иное – увы, уже как к антиэталону: этот вопрос изложен нами в целом ряде работ, к которым и отсылаем нашего читателя [11, 12]). И вполне естественно, через него, в весьма важном аспекте, дается личностная и мировоззренческая характеристика знаменитого русского канцлера, которому судьбой определено было ранее стать лицейским однокашником Пушкина. «Великий поэт, – подчеркивает Садовской, – любил Горчакова». Многозначительно подчеркивает: пушкинское расположе-

ние к какому-либо человеку мыслится как фактор очень значимый для него: сам Пушкин выделил! «К сожалению, дипломат платит поэту иной монетой». И это уже с весьма невыгодной стороны показывает Горчакова. Садовской конкретизирует отношение последнего к поэту. И слишком категоричен в этом, и в категоричности своей несправедлив. И, увы, к нему можно отнести его же собственные упреки по адресу П.Е. Щеголева, автора статьи «Кн. А.М. Горчаков и Пушкин» (редкостной по отрицательной характеристике канцлера [13]), поддавшегося, как то случается с комментаторами «старых писателей», «известному соблазну <...> сказать нечто новое, по-иному передвинуть исторические кулисы» [14, с. 66]. А ведь, казалось бы, рецензируя статью Щеголева, Садовской демонстрирует совершенно иной подход к горчаковской теме, выступает оппонентом. И однако же в одном из важнейших положений взгляды их сходятся. Читаем у Щеголева: «Пушкин превратился для него (Горчакова. – Ю.И.) в совсем ничтожную величину» [13, с. 238]. И у Садовского, в публикуемой нами его статье: «Отзывы Горчакова о Пушкине даже в позднейшую пору жизни бывали всегда презрительно-высокомерны: канцлер не мог понять, что замечательного находили в Пушкине и чем мог он быть знаменит». Вторит Садовской Щеголеву и безапелляционным бесосновательным утверждением о принципиальном отказе Горчакова участвовать в торжествах по случаю открытия в Москве в 1880 году знаменитого памятника Пушкину работы скульптора А.М. Опекушина, не принимая во внимание состояние здоровья на тот момент канцлера, одного из двух (наряду с С.Д. Комовским) остававшихся в живых лицейстов первого, пушкинского призыва (а ведь на этот счет были красноречивые свидетельства выпускника лица 1832 года академика Я.К. Грота, встречавшегося с канцлером незадолго до начала торжеств, хорошо известные обоим).

...Весьма нелицеприятная в целом, страстно-необъективная, резко-гротескная получилась у Садовского характеристика Горчакова. И это тем более явно, что тут же, по контрасту – в чем, конечно же, также *позиция* в отношении к русскому канцлеру, – рисуется величественный образ «его неравного соперника на дипломатическом поле», немца Отто Бисмарка.

У нашего читателя, естественно, могут возникнуть вопросы: а почему столь сдвинуты были «исторические кулисы» в концепции Садовского? почему он отказывает Горчакову в понимании Пушкина, отказывает вообще ему в таланте – и в широком смысле, чисто человеческом, личностном, и в узком, практическом,

профессиональном – таланте дипломата? «Ответ, в общем-то, прост (хотя в статье он не прочитывается; он ясен из метатекста Садовского), как отмечали мы в специальной обстоятельной работе, посвященной «Двум канцлерам»: Горчаков – человек Александра Второго, едва ли не самый главный его советник. Именно это, кстати, стало основным тезисом недавно вышедшей биографии знаменитого русского канцлера, написанной историком В.А. Лопатниковым. <...> Садовской всегда (а после революции 1917 года особенно) резко отрицательно относился к Александру Второму, считал его либеральное реформаторство гибельным для Русской державы» [15].

Мы может сделать оговорку: да, на горчаковскую концепцию Садовского могли влиять и какие-то устойчивые общественные представления о канцлере, их не критичные восприятия, но, как бы то ни было, главным, как нам представляется, оставался императорский фактор – следование политике Александра Второго...

Вроде бы малопримечательная на первый взгляд статья «Два канцлера» – интересный документ для понимания личности ее автора. Ассоциативно она также выходит на обозначенную выше главнейшую его тему разоблачения *наполеонизма* как движущего начала русской либеральной интеллигенции.

* * *

Два канцлера¹

(Публикация, подготовка текста и примечания Ю.А. Изумрудова)

Во все царствование Императора Александра II, с 1855 по 1881 г., т.е. за весь период, отделяющий Крымскую кампанию от турецкой, решающими судьями в делах европейской политики были два канцлера: немецкий – князь Отто Бисмарк фон-Шенгаузен и русский – светлейший князь Александр Михайлович Горчаков.

Любопытно сопоставить во весь рост эти две фигуры, чтобы ясней увидеть роковые причины, приведшие нас в 1878 г. к позору берлинского конгресса².

Как дипломат Бисмарк неизмеримо превосходит Горчакова своею здравомысленностью и отсутствием позы. Это был делец, «честный маклер»³, имевший к тому же возможность основательно изучить Россию на деле, будучи с 1859 г. прусским послом в Петербурге. Карьера Бисмарка, из рядов прусского юнкерства приведшая его к небывалой степени величия, строилась медленно и прочно, обязанная во всем не протекции, не удаче, а способностям своего носителя. Обдуманная политика Бисмарка поста-

вила Германию на те железные рельсы, с которых она, увь, ныне сходит по манию Императора Вильгельма. Речи Бисмарка отличаются серьезностью и силой, он не любил терять даром слова. Под конец жизни он приобрел в Германии необычайную популярность, сказавшуюся особенно при праздновании его восьмидесятилетнего юбилея в 1895 г. (он родился в 1815 г.). Тогда в числе прочих подарков была ему прислана модель страсбургского памятника, сделанного из... колбасы одним предприимчивым немцем, а восторженная толпа так бурно приветствовала своего объединителя, спаявшего ее «железом и кровью»⁴, что Бисмарку пришлось перевязать свои окровавленные пальцы, раздавленные тисками многочисленных рукопожатий. В качестве крупного государственного человека Бисмарк пережил все периоды славы, до опалы включительно.

Князь А.М. Горчаков представляет собою полную противоположность Бисмарку. Вся его жизнь прошла под безоблачным небом не изменявшей ему ни на минуту служебной удачи. Он родился в 1800⁵ году и кончил в 1817 г. первым учеником курс Царскосельского лицея вместе с Пушкиным. Ему посвящено Пушкиным послание «Встречаюсь я с осьмнадцатой весной»⁶; великий поэт любил Горчакова и в переписке сочувственно упоминает о нем; к сожалению, дипломат платит поэту иной монетой. Отзывы Горчакова о Пушкине даже в позднейшую пору жизни бывали всегда презрительно-высокомерны: канцлер не мог понять, что замечательного находили в Пушкине и чем мог он быть знаменит. Горчаков отказался даже принять участие в открытии памятника Пушкину в 1880 г. в Москве⁷. По воле судьбы ему пришлось пережить всех своих товарищей и оказаться тем последним лицеистом I-го выпуска, который должен был, по пророчеству Пушкина, на празднике 19 октября

*... вспомнить нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой*⁸.

Нелюбовь Горчакова к Пушкину непонятна. Мы знаем, что товарищ другого великого поэта, Лермонтова, князь Барятинский⁹, ненавидел всеми силами души автора «Демона» и «Мцыри», но тут есть извиняющая подкладка: Лермонтов крайне зло осмеял будущего фельдмаршала в непристойной юнкерской поэме своей «Петергофский гошпиталь»¹⁰. В нелюбви Горчакова к Пушкину всего естественнее предположить природную антипатию чиновника к поэту.

Как дипломат, князь Горчаков причислял себя к школе Галейрана¹¹ и имел слабость считать себя равным Бисмарку деятелем политики. Но три отрицательных черты в его характере мешали Горчакову быть дипломатом и отражались на

внешних успехах его дела: неумение скрывать свои замыслы, слабость к прекрасному полу и падкость на лесть. Горчаков не умел вести интригу и немедленно разглашал о своих намерениях окружавшим его лицам. Все это излагалось на превосходном французском языке, которым особенно щеголял в своих нотах и донесениях старый канцлер. Постоянная потребность ухаживать и пленять своими речами ту или иную даму ещё менее способствовала возможности сохранения политических тайн. В то же время лестью можно было добиться от Горчакова чего угодно. Однажды, войдя в свою канцелярию, князь Горчаков увидел стоявшим у окна одного из своих чиновников и обратился к нему со словами: «Молодой человек, вы ничего не делаете, вы пропадете». – «Да, – отвечал чиновник, – я пропадаю, ваша светлость, в числе ваших поклонников». Князь просиял при таком ответе, а находчивый льстивец скоро пошел в гору.

Ф.И. Тютчев, знавший хорошо Горчакова и бывший его личным другом, называл его «фасадом великого человека» и «нарциссом своей чернильницы»¹².

Каковы были взаимные отношения обоих канцлеров?

Князь Горчаков со свойственно ему доверчивостью искренно считал Бисмарка верным и преданным другом России. На помощи русской дипломатии основалась вся слава Бисмарка, все успехи его колоссального дела. Без этой помощи немыслимы были войны с Даниею, с Австриею и с Франциею 1870 г., немыслимо было бы объединение Германии со всеми его последствиями. Даже когда Император Александр II в 1870 году решил воспользоваться французскою войной, чтоб уничтожить пункт Парижского трактата относительно черноморского флота, всего более протестовала тогда русская дипломатия, опасавшаяся осложнений и гнева Англии¹³.

Не так относился к Горчакову Бисмарк. Он искренно презирал престарелого канцлера и играл с ним, как кошка с мышью. Прикидываясь дружелюбным к России, он ковал втихомолку цепи будущего тройственного союза. В своих мемуарах¹⁴ Бисмарк описывает Горчакова в самых непривлекательных и смешных красках.

Но как ни относиться к слабостям князя Горчакова, нельзя не признать, что он был честным и выдающимся человеком. Он не имел одного: таланта, но одно это стоило всего. Судьба послала ему неравного соперника на дипломатическом поле и в сиянии славы Бисмарка личность дипломата старой французской школы поневоле казалась слишком бездушной и бледной¹⁵.

Борис Садовской

Примечания

1. Публикуется впервые, с рукописного автографа (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 5. 5 л.). Статья не датирована; на листе рукописи, хранящейся в РГАЛИ, есть помета: «не напеч. <атано>». Предположительно написана в 1908–1909 гг. в связи с так называемым Боснийским кризисом, актуализировавшим результаты неудачного для внешней политики России Берлинского конгресса 1878 года.

2. Берлинский конгресс проходил в Берлине с 1 (13) июня по 1 (13) июля 1878 г. На нем были кардинально пересмотрены – в ущерб интересам России и балканских славян – результаты Сан-Стефанского мирного договора, завершившего победоносную для России войну с Турцией в 1877–1878 гг. Российскую дипломатическую делегацию на конгрессе возглавлял А.М. Горчаков.

3. Читаем в Большом толково-фразеологическом словаре Михельсона: «"Роль посредника в деле заключения мира (между Россией и Турцией) я понимаю так: быть честным маклером, который уладит дело". Бисмарк в заседании рейхстага 19-го февр. 1878 г. С тех пор "честный маклер" – эпитет Бисмарка» [16]. Как отмечалось в Дипломатическом словаре 1948 г., «"честное маклерство" Бисмарка выразилось в том, что по всем более или менее существенным вопросам, оставшимся неразрешенными предварительным соглашением между Англией и Россией, он выступал на стороне Англии и особенно Австрии, будущий союз с которой он считал необходимым для Германии» [17].

4. Ставшие знаменитыми слова Бисмарка по поводу германского единства («Великие вопросы времени решаются не речами и парламентскими резолюциями, – это была ошибка 1848–1849 гг., – а железом и кровью»; «Не словами, но железом и кровью будет объединена Германия»). В связи с этим широкую известность получило стихотворение Ф.И. Тютчева 1870 г. «Два единства»:

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней...*

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...*

5. Ошибка Б.А. Садовского. Горчаков родился в 1798 году.

6. Стихотворение «Князю А.М. Горчакову» («Встречаюсь я с восемнадцатой весной...») (1817). Также Горчакову адресованы послания Пушкина «Пускай, не знаясь с Аполлоном...» (1817), «Питомец мод, большого света друг...» (1819) и строфы в «Пирующих студентах» (1814) и «19 октября» (1825).

7. У этого отказа были веские извиняющие обстоятельства, связанные с состоянием здоровья уже престарелого канцлера. Вот как писал на сей счет

академик Я.К. Грот: «Он был не совсем здоров; я застал его в полулежачем положении на кушетке или длинном кресле; ноги его и нижняя часть туловища были окутаны одеялом. Он принял меня очень любезно, выразил сожаление, что не может быть на торжестве в честь своего товарища... <...> Прощаясь со мною, он поручил мне передать лицеистам, которые будут присутствовать при открытии памятника его знаменитому товарищу, как сочувствует он оконченному так благополучно делу и как ему жаль, что он лишен возможности принять участие в торжестве» [18, с. 296–297].

8. Строки стихотворения А.С. Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») (1825).

9. Бяратинский Александр Иванович (1815–79), князь, знакомый Лермонтова. Из статьи в «Лерм. энцикл.»: «В 1832 учился вместе с Лермонтовым в Школе юнкеров, изображен в качестве главного героя в поэме "Гошпиталь". <...> Несмотря на довольно частые встречи, отношения между Лермонтовым и Бяратинским, представителем чуждого поэту великосветского общества, никогда не были дружескими. Бяратинский мешал продвижению Лермонтова по службе, а позднее негодовал по поводу собирания материалов для биографии такого "безнравственного" человека и "посредственного подражателя Байрона»» [19, с. 50].

10. Правильное название поэмы – «Гошпиталь».

11. Из статьи в Советской исторической энциклопедии: «Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord), Шарль Морис (13.I.1754 – 17.V.1838) – франц. дипломат и гос. деятель. <...> Талейрана отличали большая проницательность, умение использовать слабые стороны своих противников, искусство искажения истины (Талейран первый пустил в широкий оборот известное изречение: "язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли"). Талейран был блестящим оратором и одним из самых остроумных людей своего времени (некоторые его остроты превращались в пословицы). Мастер закулисной интриги, Талейран был совершенно неразборчив в средствах. По собственному признанию, ему пришлось в течение жизни принести 14 различных присяг. Характеризуя Талейрана, Наполеон незадолго до смерти говорил о нем как о человеке интриг, человеке большой безнравственности, но и большого ума. При этом Наполеон считал Талейрана самым способным из всех министров, которых он имел» [20].

12. Из известных острот Ф.И. Тютчева. Читаем у Д.В. Григоровича в его «Литературных воспоминаниях»: «...Ф.И. Тютчев не стеснялся называть своего друга князя Горчакова "фасадом великого человека" и "Нарцызом собственной чернильницы" и т.д.» [21]. Садовской, как видим, едва ли не буквально следует за Григоровичем. Выражение «фасад великого человека» современники относили также и на счет императора Николая Первого. Острота с горчаковской чернильницей встречается и в мемуарах Бисмарка: «Подчиненные Горчакова по министерству говорили о нем: "И se mire dans son encrier" ["Он любит себя, смотрясь в чернильницу"], – совсем как Беттина [фон Арним] говорила о своем шурине, знаменитом Савиньи: "Он не может перешагнуть канавы, не полюбовавшись своим отражением»» [22].

13. Здесь, на наш взгляд, отголосок суждений Бисмарка из второго тома его мемуаров: «В России личные чувства императора Александра II, не только его дружеское расположение к своему дяде, но и антипатия к Франции, служили нам известной гарантией, значение которой могло быть подорвано французистым (*franzosirende*) тщеславием князя Горчакова и его соперничеством со мной. Было поэтому большой удачей, что тогдашняя ситуация дала нам возможность оказать России услугу в отношении Черного моря. <...> В 1870 г. представилась возможность оказать услугу не только династии, но и Российской империи на почве политически неразумных и поэтому на длительный срок невозможных постановлений, которые ограничивали Российскую империю в отношении независимости принадлежащего ей побережья Черного моря. Это были самые неудачные постановления Парижского трактата: стомиллионному народу нельзя надолго запретить осуществлять естественные права суверенитета над принадлежащим ему побережьем.

Длительный сервитут такого рода, какой был предоставлен иностранным государствам на территории России, являлся для великой державы невыносимым унижением. Для нас же это было средством развивать наши отношения с Россией. Князь Горчаков лишь неохотно отозвался на мою инициативу, когда я стал зондировать его в этом направлении. Его личное недоброжелательство было сильнее сознания его долга перед Россией. Он не хотел от нас никаких одолжений и добивался отчуждения от Германии и благодарности со стороны Франции. Мне пришлось обратиться к содействию честного и всегда доброжелательного к нам тогдашнего русского военного уполномоченного, графа Кутузова, чтобы мое предложение возымело действие в Петербурге» [22]. На деле же именно Горчаков был ревностным сторонником отмены статей Парижского трактата. В циркулярной ноте правительствам европейских государств от 31 октября 1870 г. решительно заявлял, что Россия не считает себя связанной постановлениями, ограничивающими ее суверенные права на Черном море.

14. Садовской мог быть знаком со следующими русскими изданиями мемуаров Бисмарка и книг о нем: 1) Бисмарк О. Из мемуаров Бисмарка. Мысли и воспоминания. В пер. и с поясн. М. В. Слонимского. СПб.: Ред. «Нового журнала иностр. литературы», 1889. 128 с. 2) Бисмарк О. Мемуары князя Бисмарка. («Мысли и воспоминания»). Пред., прим. и пер. М. Полтавченко. СПб.: Ред. «Вестника иностр. литературы», 1900. 232 с. 3) Граф Бисмарк. Биографический этюд / пер. с англ. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1870. 66 с. 4) Сементковский Р.И. Князь Бисмарк, его жизнь и государственная деятельность. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1895. 96 с. 5) Слонимский Л. З. Князь Бисмарк. Опыт характеристики. СПб.: «Полит. энциклопедия», 1908. 102 с. 6) Степанович А. Характеристика графа Бисмарка и его политическая деятельность. Сост. по нем., франц. и англ. источн. СПб.: А. Степанович, 1871. 196 с. 7) Утин Е. И. Вильгельм I и Бисмарк. Историч. очерки. СПб.: Типо-лит. И. Ефрона, 1892. 446 с. [23, с. 163–164].

15. Садовской здесь, конечно же, проявляет субъективизм и неисторичность. По своим способностям, таланту, влиятельности Бисмарк и Горчаков во многом были достойны друг друга, были *равными соперниками*. Вот строки из современной биографии Горчакова В.А. Лопатникова: «Многое из написанного Бисмарком приобрело хрестоматийный смысл, однако серьезные исследователи не всегда соглашались с его оценками, хотя и отдавали дань его публицистическому таланту. Большинство из них не склонны соглашаться и с теми оценками, которые Бисмарк выставил своему многолетнему оппоненту канцлеру Горчакову. Политическая биография российского канцлера, отзывы о его деятельности и личных достоинствах, оставленные другими современниками, вступают в явное противоречие с тем, что говорится о Горчакове в итоговом труде Бисмарка. Следует заметить, что “Мысли и воспоминания” были написаны в пору, когда Горчакова уже не было в живых, а его российские недоброжелатели глумились над наследием своего предшественника. Сам собой напрашивался вывод: Горчаков оказался тем твердым орешком, который так и не смог раскусить всемогущий канцлер, не сумевший склонить “старого петербургского друга и покровителя” на свою сторону. <...> В своих мемуарах Бисмарк пытается объяснить конфликт, возникший в двусторонних германо-российских отношениях в семидесятые годы, “недостойным эгоизмом” и “болезненным тщеславием” Горчакова, якобы ревновавшего к политическим успехам коллеги. Однако, если внимательно вчитаться в книгу, начинаешь понимать, что сам автор в ряде эпизодов одержим мстительностью и мелочной злопамятностью. Мемуары немецкого канцлера в этой части не что иное, как попытка свести счеты со своим давним политическим противником. Желчные, недопустимо оскорбительные, повторяющиеся рефреном суждения о Горчакове дают повод судить именно о болезненном состоянии человека, пребывающего в сумерках политического забвения. “С моей стороны едва ли будет несправедливостью по отношению к князю Горчакову, если я скажу, основываясь на наших с ним отношениях, продолжавшихся несколько десятков лет, что его личное соперничество со мной имело в его глазах большее значение, нежели интересы России: его тщеславие и его зависть по отношению ко мне были сильнее его патриотизма”. Историческая атмосфера того времени, когда были опубликованы мемуары, особенно благоприятствовала автору: возражать ему или опровергать его было некому» [24, с. 322–323]. И как завершение вышеизложенного следующий тезис данной книги: «Среди лицейских товарищей Пушкин недаром особенно ценил юного князя Александра Горчакова. Поэт сумел каким-то образом предугадать его блестящее будущее. Министр иностранных дел, а затем канцлер, Горчаков блестящим умом и поразительной работоспособностью выделялся как среди российских министров, так и среди европейских политиков» (строки эти из аннотации, но мы убеждены: они принадлежат автору книги).

Список литературы

1. Литературная хроника. Нижний Новгород // Мысль: Двухнедельник студентов Нижегородского

- государственного университета. Нижний Новгород, 1921. № 1. С. 6.
2. Шмерельсон Г.Б. Литература в провинции (Из писем в редакцию) // Вестник литературы: Ежемесячный орган общества взаимопомощи литераторов и ученых. Петроград, 1921. № 10(34). С. 13–14.
3. Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
4. Иванов Г.В. Петербургские зимы. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Согласие, 1993. Т. 3. Мемуары. Литературная критика. С. 5–191.
5. Белый А. Начало века. Воспоминания: в 3 кн. М.: Худож. лит., 1990. Кн. 2. 687 с. (Литературные мемуары).
6. Садовской Б.А. «Весы» (Воспоминания сотрудника) / Публикация Р.Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 13. С. 7–53.
7. Садовской Б.А. Озимь: Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы. Пг., 1915. 49 с.
8. Блок А.А. Письмо Б.А. Садовскому от 9 декабря 1910 г. // Собрание сочинений: в 8 т. М.–Л., 1963. Т. 8. С. 321–323.
9. Садовской Б.А. Наполеон в русской поэзии // Болдинские чтения. 2016 / Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», ННГУ. Арзамас, 2016. С. 257–284.
10. Изумрудов Ю.А. «Блоковская» мистификация Бориса Садовского «Солдатская сказка» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 199–204.
11. Изумрудов Ю.А. «Борис Садовской и его статья «Наполеон в русской поэзии» // Болдинские чтения. 2016 / Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», ННГУ. Арзамас, 2016. С. 253–257.
12. Изумрудов Ю.А. За строкой ершовского эпиграфа к «блоковской» мистификации Б. Садовского «Солдатская сказка» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 277–283.
13. Щеголев П.Е. Кн. А.М. Горчаков и Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 6 т. / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 230–238.
14. Садовской Б.А. Библиотека великих писателей, под редакцией С.А. Венгерова. Пушкин. Вып. I и II. Издание Брокгауз-Ефрона. СПб. 1907 // Весы. 1907. № 7. С. 65–68.
15. Изумрудов Ю.А. Неизвестная статья Бориса Садовского «Два канцлера» // Болдинские чтения. 2017 / Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», ННГУ. Арзамас, 2016. 299 с.
16. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона (оригинальная орфография) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_old/10456/%D0%A7%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 10.05.2017).
17. Дипломатический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.niv.ru/doc/dictionary/diplomatic/articles/228/berlinskij-kongress-1878.htm> (дата обращения: 10.05.2017).
18. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота, с присоединением и др. материалов. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. 320 с.
19. Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. 784 с.
20. Советская историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. М.: Советская энциклопедия, 1973–1982. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/17223/%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%95%D0%99%D0%A0%D0%90%D0%9D> (дата обращения: 10.05.2017).
21. Григорович Д.В. Литературные воспоминания [Электронный ресурс]. М.: Худож. лит., 1987. Режим доступа: http://az.lib.ru/g/grigorowich_d_w/text_0140.shtml. (дата обращения: 10.05.2017).
22. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/255486-mysli-i-vozpominaniya.-tom-i.html>. (дата обращения: 10.05.2017).
23. Синегубов С.Н., Шилов С.П. Проблематика до-революционных российских изданий по новой истории кайзеровской Германии // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. 2016. Т. 2. № 1. С. 155–167.
24. Лопатников В.А. Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. М.: Молодая гвардия, 2003. 344 с.

References

ON THE ISSUE OF PUBLISHING BORIS SADOVSKOI'S LITERARY HERITAGE

Yu.A. Izumrudov

The article addresses the issues of preparing for publishing the edition of B.A. Sadovskoi's collected works that would meet modern requirements. The aim is to highlight the timeliness and the relevance of this publishing project and to define its principles. The author proves the importance of including in the collected edition the works by Sadovskoi that duly reflect the main avenues of the author's creative search and provide a relevant detailed reference tool. The article takes note of the fact that one of its primary goals is to publish the writer's literary criticism by systematizing already known texts as well as finding new ones and introducing them to readers and academia. For the first time, Sadovskoi's archived article «Two Chancellors» (about A.M. Gorchakov and O. Bismarck) is published with detailed footnotes, and its metatextual significance is demonstrated. In this article, biographic and cultural-historical methods were used.

Keywords: B.A. Sadovskoi, collected works, Napoleon, «Two Chancellors», A.M. Gorchakov, O. Bismarck, A.S. Pushkin, P.E. Shchegolev, Congress of Berlin.

1. Literaturnaya hronika. Nizhnij Novgorod // Mysl': Dvuhnedel'nik studentov Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Nizhnij Novgorod, 1921. № 1. S. 6.
2. Shmerel'son G.B. Literatura v provincii (Iz pisem v redakciyu) // Vestnik literatury: Ezhemesyachnyj organ obshchestva vzaimopomoshchi literatorov i uchenyh. Petrograd, 1921. № 10(34). S. 13–14.
3. Sadovskoj B.A. Lebedinye kliki. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 480 s.
4. Ivanov G.V. Peterburgskie zimy. Sobranie sochinenij: v 3 t. M.: Soglasie, 1993. T. 3. Memuary. Literaturnaya kritika. S. 5–191.
5. Belyj A. Nachalo veka. Vospominaniya: v 3 kn. M.: Hudozh. lit., 1990. Kn. 2. 687 s. (Literaturnye memuary).
6. Sadovskoj B.A. «Vesy» (Vospominaniya sotrudnika) / Publikaciya R.L. Shcherbakova // Minuvshee: Istoricheskij al'manah. M.; SPb., 1993. T. 13. S. 7–53.
7. Sadovskoj B.A. Ozim': Stat'i o russkoj poehzii. K. Bal'mont. A. Blok. V. Bryusov. I. Severyanin. Futuristy. Pg., 1915. 49 s.
8. Blok A.A. Pis'mo B.A. Sadovskomu ot 9 dekabrya 1910 g. // Sobranie sochinenij: v 8 t. M.–L., 1963. T. 8. S. 321–323.
9. Sadovskoj B.A. Napoleon v russkoj poehzii // Boldinskie chteniya. 2016 / Gos. lit.-memor. i prirod. muzej-zapovednik A.S. Pushkina «Boldino», NNGU. Arzamas, 2016. S. 257–284.
10. Izumrudov Yu.A. «Blokovskaya» mistifikaciya Borisa Sadovskogo «Soldatskaya skazka» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 6. S. 199–204.
11. Izumrudov Yu.A. «Boris Sadovskoj i ego stat'ya «Napoleon v russkoj poehzii» // Boldinskie chteniya. 2016 / Gos. lit.-memor. i prirod. muzej-zapovednik A.S. Pushkina «Boldino», NNGU. Arzamas, 2016. S. 253–257.
12. Izumrudov Yu.A. Za strokoj ershovskogo ehpigrama k «blokovskoj» mistifikacii B. Sadovskogo «Soldatskaya skazka» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 3. S. 277–283.
13. Shchegolev P.E. Kn. A.M. Gorchakov i Pushkin // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 6 t. / Pod red. S.A. Vengerova. SPb., 1907. T. 1. S. 230–238.
14. Sadovskoj B.A. Biblioteka velikih pisatelej, pod redakciej S.A. Vengerova. Pushkin. Vyp. I i II. Izdanie Brokgauz-Efrona. SPb. 1907 // Vesny. 1907. № 7. S. 65–68.
15. Izumrudov Yu.A. Neizvestnaya stat'ya Borisa Sadovskogo «Dva kanclera» // Boldinskie chteniya. 2017 / Gos. lit.-memor. i prirod. muzej-zapovednik A.S. Pushkina «Boldino», NNGU. Arzamas, 2016. 299 s.
16. Bol'shoj tolkovo-frazeologicheskij slovar' Mihel'sona (original'naya orfografiya) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_old/10456/%D0%A7%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (data obrashcheniya: 10.05.2017).
17. Diplomaticeskij slovar' [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.niv.ru/doc/dictionary/diplomatic/articles/228/berlinskij-kongress-1878.htm> (data obrashcheniya: 10.05.2017).
18. Grot Ya.K. Pushkin, ego licejskie tovarishchi i nastavniki: Neskol'ko statej Ya. Grota, s prisoedineniem i dr. materialov. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1887. 320 s.
19. Lermontovskaya ehnciklopediya. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1981. 784 s.
20. Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya [Elektronnyj resurs]. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1973–1982. Rezhim dostupa: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/17223/%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%95%D0%99%D0%A0%D0%90%D0%9D> (data obrashcheniya: 10.05.2017).
21. Grigorovich D.V. Literaturnye vospominaniya. [Elektronnyj resurs]. M.: Hudozh. lit., 1987. Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/g/grigorowich_d_w/text_0140.shtml. (data obrashcheniya: 10.05.2017).
22. Bismark O. Mysli i vospominaniya. T. 2. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://e-libra.ru/read/255486-mysli-i-vospominaniya.-tom-i.html>. (data obrashcheniya: 10.05.2017).
23. Sinogubov S.N., Shilov S.P. Problematika dorevolucionnyh rossijskih izdanij po novej istorii kajzerovskoj Germanii // Vestnik TyumGU. Gumanitarnye issledovaniya. 2016. T. 2. № 1. S. 155–167.
24. Lopatnikov V.A. P'edestal: Vremya i sluzhenie kanclera Gorchakova. M.: Molodaya gvardiya, 2003.

344 s.